

Е. В. Приходько
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

«ВЫПАЛО ПРОРИЦАНИЕ» — УКАЗЫВАЕТ ЛИ ЭТО ВЫРАЖЕНИЕ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖРЕБИЕВ?

Согласно Геродоту, в прорицалище Аполлона в Патарах ответы бога возвещала жрица, которую оставляли на ночь в храме. Надпись из города Сидим сохранила изречение Аполлона Патарского, и об этом изречении в надписи дважды сказано: «выпало прорицание». Г. Парк высказал предположение, что это выражение могло бы указывать на то, что в патарском храме практиковалось прорицание по жребиям. Автор рассматривает все контексты из произведений древнегреческой литературы, а также тексты малоазийского оракула по пяти астрагалам и доказывает, что это выражение не указывало на получение прорицания при помощи жребиев.

Ключевые слова: Сидимы, Ликия, оракул Аполлона в Патарах, Дельфийский оракул, прорицание посредством жребиев, оракул по пяти астрагалам из Малой Азии, хресмологи, мантические термины, «прорицание выпало».

E. V. Prikhodko
(Lomonosov Moscow State University)

«The prophecy has fallen out» — does this word combination indicate the use of lots?

The Lycian city of Patara was famous in the ancient world because of its oracle of Apollo. According to Herodotus the responses of the god were given there by a priestess who stayed overnight in the temple, it means the prophecy was elicited by enthusiastic inspiration. The inscription from the city of Sidyma has preserved the prophecy of Apollo Patareus and the word combination twice used in the document can be translated as «the prophecy has fallen out». H. Parke supposed that this word combination might indicate that the divination by lots was practiced in the sanctuary of Apollo. The author examines all contexts with the word combination ὁ χρησμὸς ἐκπίπτει from ancient Greek literature and proves that no author has used it in relation to the divination by lots. The word combination was used in all texts in the same way as the mantic terms that denoted the process of announcing prophecies and receiving responses. About the same response of the Delphic oracle one author writes «the Pythia spoke» or «the god replied», and another — «the prophecy fell out», that is these word combinations were perceived as synonymous. The oracle to Sidyma consisted of 15 verses minimum (its last verses were lost), many responses of the Delphic oracle were also very long. Such long prophecies could not be obtained with the help of lots. Then «the prophecy has fallen out» was used in the narratives of the prophecies of chresmologoi. But chresmologoi —

Bakis, Sibylla and other — prophesied only under the direct inspiration of the deity and never used lots. Finally, the author compared the oracle to Sidyma and the responses of the Delphic oracle with the dice oracles. The inscriptions with the text of this oracle were found in Asia Minor. Each prophecies of the dice oracle really fell out by throwing five astragalus bones, but the word combination «the prophecy has fallen out» was never used in the text of dice oracle, although there was a verse in each strophe of these inscriptions which described the bones that fell out during the throw. So the divination by lots was not practiced in the sanctuary of Apollo at Patara.

Keywords: Sidyma, Lycia, oracle of Apollo at Patara, Delphic oracle, divination by lots, dice oracle of Asia Minor, chresmologoi, mantic terms, «the prophecy has fallen out».

Мантическое искусство, как и любое другое ремесло, обслуживалось в древнегреческом языке ограниченным набором терминов, значение каждого из которых было достаточно строго определено. Однако, помимо постоянно употреблявшихся терминов, в повествованиях о вопрошании оракулов можно встретить и более редкие выражения, подчас не столь прозрачные по своей семантике, как это может показаться на первый взгляд. Одно из таких выражений ὁ χρησμὸς ἐκπίπτει/ἐξέπεσε/ἐκπέττωκε — «выпадает/выпало прорицание» требует отдельного рассмотрения.

Обратить внимание на это выражение нас побудило изучение оракула Аполлона в Патарах. Существование в Патарах весьма чтимого прорицалища Аполлона засвидетельствовано Геродотом и другими античными авторами, а также отдельными надписями. Но, несмотря на то что с 1988 г. в Патарах ведутся ежегодные археологические работы, ни фундамент храма Аполлона не был найден, ни местоположение святилища не было установлено. Отсутствие археологического материала вынуждает нас опираться исключительно на письменные источники и сложить из имеющихся беглых упоминаний хотя бы приблизительную картину функционирования патарского прорицалища.

Одно из самых интересных свидетельств о Патарском оракуле предоставила нам надпись из города Сидим, расположенного в горах юго-западной Ликии. Эта надпись была вырезана на больших каменных блоках, которые некогда образовывали стену здания агоры. Первые три блока были обнаружены О. Бенндорфом и его коллегами 1 апреля 1881 г., а два другие откопал весной 1884 г. Ф. фон Лушан (Benndorf, Niemann 1884: 75–77). Правда, обрести полный текст надписи так и не

удалось: отломанная правая сторона блока А не позволяет понять, был ли между блоками А и В еще один так и не найденный блок с частью надписи, а присутствие на левой стороне блока А украшающего орнамента по типу *tabula ansata* наводит на мысль о том, что за сохранившимся блоком Е мог следовать еще один блок с текстом и таким же завершающим орнаментом.

После издания Бенндорфа и Ниманна надпись была переиздана в 1920 г. Э. Калинкой, представившим возможные варианты восстановления утраченных частей блоков А и С (ТАМ II.1 174). В 1988 г. принципиально другой вариант реконструкции предложил А. Ханиотис и сделал, основываясь на своей реконструкции, первый перевод этой надписи (Chaniotis 1988: 75–85). Сравнение обоих подходов к восстановлению текста надписи было проведено Р. Меркельбахом, показавшим, насколько привлекательными, но бездоказательными являются обе позиции, и предложившим перевод сохранившегося текста (Merkelbach 2000; Merkelbach, Stauber 2002: 26–33).

Надпись из Сидим начинается с письма, с которым обратились пританы и, возможно, совет и народ Тлоса к пританам и, возможно, совету и народу Сидим, сообщая, что перед ними выступил с речью Гиерон, сын Гиерона, внук Апо[лл...], он же Лисимах, гражданин Тлоса и почетный гражданин Ксанфа, пожелавший напомнить о родстве и добрых отношениях между Тлосом, Пинарами и Сидимами, и после этого следует сама речь Гиерона: он приводит родословную основателей их городов, потом переходит к чудесным явлениям недавнего времени и, наконец, говорит о совместном служении богине Артемиде — ее святилище находилось в Сидимах, но жрицы богини выбирались из жительниц не только Сидим, но и Тлоса, — и приводит изречение Аполлона Патарского, в котором сидимцам было строго наказано допускать к служению в храме Артемиды только непорочных дев. При этом Гиерон не пересказывает прорицание по памяти, а полностью цитирует более древнюю надпись, выставленную в Сидимах и специально им переписанную, и даже точно указывает год возвещения прорицания — 129 лет назад: «При жреце [Ликийского] союза Артеме и при жреце города Телесии 26-го числа месяца Лоямы, Евполем, сын Аристонима, и Птолемея, сын Аристонима, калабатийцы, в соответствии с постановлением принесли к пританам возвещенное вам изречение оракула, копией которого является написанное ниже:

Родственный город, внимай превосходным пророчествам Феба
 Вдумчиво! Будет твоим и земле, и народу ко благу
 То, что узнаешь. Так слушай, что бог тебе Феб назначает.
 Чистые и без изъяна почетные жертвы богине
 Девичьи руки должны неизменно творить год от года.
 Мило ведь, мило одно Летоиде богине, пусть жрица
 Входит в покои ее, но не та пусть которую, выбрав,
 С ложа семейного ты призываешь к безбрачному храму.
 Юной должна быть – наказ мой – нетронутой, неукрощенной.
 Жрицу такую желает, чтоб таинства все возглавляла,
 Храм непорочным хранила всегда, чтобы выбор богини
 На вековечное время заботливо смертные чтили.
 Это на счастье являет тебе Дальновержец владыка
 Сам и охотница дева, пестунья щенят, ее с Фебом...»

(ТАМ II.1 174, Db 12 — E 16).

Последняя строка изречения, которая могла еще уместиться на блоке E, не сохранилась.

Прочитированное Гиероном прорицание является единственным известным на данный момент изречением Аполлона Патарского, а тот факт, что оно сразу же по получении было вырезано на камне и установлено в городе, устраняет любые сомнения в его подлинности. Евполом и Птолемей, жители Калабатии, порта Сидим, сообщают, что они принесли пританам τὸν ἐκπέπτωκότα χρησμὸν — «выпавшее прорицание» (E 2), и такое же выражение использует и сам Гиерон: τὸν ἐκπέσοντα πρὸ ἐτῶν ῥήθ' Σιδυμεῦσιν χρησμὸν — «прорицание, выпавшее сидимцам 129 лет назад» (Db 8–9). Употребленное здесь дважды причастие глагола ἐκπίπτω дало Г. Парку основание предположить, что в мантическом ритуале патарского святилища прорицания возвещались при помощи жребиев. Конечно, такое длинное и хорошо обработанное изречение не могло быть, по его мнению, заранее подготовленным ответом, а значит, его составил пророк уже после вопрошания, когда общий смысл прорицания был получен каким-то другим способом (Parke 1985: 192).

О методе прорицания в храме Аполлона Патарского мы знаем исключительно из краткого замечания Геродота, упомянувшего о патарском святилище только из-за черт, сходных с практикой жреческого служения в храме Зевса Бела в Вавилоне, который он в тот момент подробно описывал: «Точно так же и в Патарах в Ликии прорицательницу бога (ἡ πρόμαντις τοῦ θεοῦ), всякий раз как появляется — ведь не всегда находится здесь оракул (οὐ γὰρ ὧν αἰεὶ ἐστὶ χρηστήριον αὐτόθι), — а всякий раз

как он появляется, тогда и ее запирают с ним на ночь внутри храма» (I 182). Обычным способом возвещения прорицаний считался прямой контакт жрицы с божеством при посредничестве оракула — вещего духа места, и все эти участники мантической коммуникативной цепи у Геродота перечислены: жрица-прорицательница (ἡ πρόμαντις), оракул (χρηστήριον) и бог (τοῦ θεοῦ). Однако ни о каких жребиях речь не идет. Прорицание Сидимам было дано в первой половине I в. н. э., и способ прорицания в святилище Аполлона мог, конечно, за прошедшие пятьсот лет измениться, но информации, подтверждающей такое необычное явление — святилища, как правило, строго придерживались первоначального способа прорицания, — в нашем распоряжении нет.

Тогда следует посмотреть на всю проблему с другой стороны, и выяснить, указывало ли выражение «выпало прорицание» на возвещение ответа божества с использованием жребиев. А для решения этого вопроса необходимо установить, о каких других прорицаниях также было сказано, что они «выпали». Выражение ὁ χρησμὸς ἐκπίπτει/ἐξέλεσε/ἐκπέπτωκε использовалось нечасто, и поэтому проанализировать все случаи его употребления оказалось задачей вполне решаемой.

В связи с Патарским оракулом в античной литературе это выражение не появляется ни разу, но зато через него вводится восемь прорицаний Дельфийского оракула. Так, согласно Диодору Сицилийскому, ахеец Мискелл из Рип «прибыл в Дельфы и спросил бога о рождении детей, а Пифия возвестила (ἡ δὲ Πυθία ἀνεῖλεν) ему следующее:

Любит тебя, о горбатый Мискелл, Аполлон Дальновержец,
Даст и потомство тебе, только прежде велит поселиться
В граде Кротоне великом на пахотных землях прекрасных».

В замешательстве от полученного повеления Мискелл спросил у Пифии, где находится Кротон, и «Пифия снова дала ему ответ» (εἰλεῖν πάλιν τὴν Πυθίαν), подробно объяснив в шести гекзаметрических стихах, через какие города и земли он должен держать путь. Однако по дороге Мискеллу настолько понравился край у Сибариса, что он захотел поселиться именно там, и тут «ему выпало такое прорицание (καὶ ἐξέλεσε χρησμὸς αὐτῷ οὗτος):

Просишь, горбатый Мискелл, ты у бога другого решенья —
Ищешь несчастий, приветствуй же дар, посылаемый богом»

(VIII 17, 1).

Как видим, рассказывая о первых двух прорицаниях Мискеллу, Диодор Сицилийский следует общей схеме построения оракульного контекста и, как и было принято, пишет, что и первое изречение, и второе были возвещены Пифией. Но повторять то же самое третий раз он, видимо, уже не считал нужным — очевидно, что по одной и той же проблеме Мискелл не стал бы вопрошать другой оракул, — и ограничился выражением «выпало прорицание». Каждый раз Мискелл общался лично с Пифией, и она без каких-либо жребиев передавала ему ответ бога в традиционных гекзаметрах. Более детально третье вопрошание Мискелла описывает со ссылкой на Антиоха Страбон: Когда бог в прорицании повелел ахейцам основать город Кротон, Мискелл отправился посмотреть нужное место и, увидев уже основанный у одноименной реки город Сибарис, решил, что этот город лучше. Вернувшись назад, «он спросил бога, будет ли лучше заселить вместо того города этот, и бог ответил (ἀνεπεῖν) ему (а Мискелл был горбатым):

Просишь, горбатый Мискелл, ты у бога другого решения —
Ищешь несчастий, приветствуй же дар, от кого бы он ни был»

(VI 1, 12).

Страбон, правда, передает второй стих изречения в несколько отличной форме, но для нас важным оказывается то, что он совершенно спокойно меняет более редкое Диодорово ἔξελεσε χρῆσιός на более привычное τὸν [θεὸν] ἀνεπεῖν, то есть применительно к одному и тому же вопрошанию эти выражения оказываются синонимичными, а значит, первое никоим образом не указывало на использование жребиев¹.

Здесь сразу же следует заметить, что вопрос об использовании жребиев в практике дельфийского прорицалища остается дискуссионным. Дж. Фонтенроуз показывает, что жребии могли использоваться при вопрошании Дельфийского оракула только в том случае, когда посетитель приносил их с собой и просил Пифию выбрать из возможных вариантов тот, который угоден богу (Fontenrose 1978: 219–224). Однако выбор, например, одного из двух сосудов, в которых были запечатаны варианты ответов на вопрос, как афиняне могут поступить со священным участком (H21), или выбор десяти эпонимов для триб

¹ Все три прорицания, адресованные Мискеллу, включают в свои каталоги изречений Дельфийского оракула как Парк и Уормелл PW43, 44, 45 (Parke, Wormell 1956: II 19–20), так и Фонтенроуз Q28, Q29, Q30 (Fontenrose 1978: 278–279).

из ста имен героев, предложенных Пифии Клисфеном (Q125), не подразумевал совершения броска, при котором что-то могло бы «выпасть». Напротив, на подобный выбор указывал глагол ἀναίρῶ ‘поднимать’, но и он к классическому периоду уже практически потерял связь со своим первоначальным значением и активно использовался — особенно в форме аориста ἀνεῖλε — как устойчивый термин для ввода речи Пифии или прорицателя другого святилища, возвещавших откровения бога через прямую инспирацию. Поэтому появление выражения ὁ χρησμός ἐκπίπτει/ἐξέπεσε/ἐκπέπτωκε в контекстах, повествующих об изречениях Дельфийского оракула, говорит об отсутствии у него специфического значения, связанного с клеромантикой.

Диоген Лаэртий рассказывает о войне, начавшейся между милетцами и жителями Коса из-за найденного в море треножника — этот треножник был выкован Гефестом в подарок на свадьбу Пелопа, от Пелопа он перешел к Менелаю, и, когда Елена плыла с Парисом в Трою, она бросила его в море со словами, что, мол, будет за него борьба. Когда с обеих сторон погибло уже много воинов, милетцам «выпадает прорицание (ἐκπίπτει χρησμός) отдать [треножник] мудрейшему», и они отдали его Фалесу. Жителям Коса также «было возвещено» (ἐχρήσθη) подобное по смыслу прорицание из четырех гекзаметрических стихов (I 32–33). Об этих же двух вопрошаниях повествует и Диодор Сицилийский, причем он, в отличие от Диогена Лаэртского, цитирует изречение милетцам из двух гекзаметрических стихов полностью и вводит его словами: «Пифия возвестила так» (ἡ Πυθία ἔχρησεν οὕτως). Второе же изречение, как он продолжает, было дано воюющим друг с другом ионийцам, когда «они спросили бога об окончании войны, а она сказала (ἡ δὲ ἔφη)» — и далее следуют все четыре стиха прорицания (IX 3, 1–2)². В данном примере выражение «выпадает прорицание» опять было легко заменено применительно к одному и тому же изречению на «Пифия возвестила», и к помощи жребиев никто не прибегал.

Согласно Клавдию Элиану, афиняне по ошибке убили этолийцев, привезших в Афины вино, и в наказание за это на город обрушился неурожай. «Измученные невзгодами они просят у бога средства от бедствия и вопрошают Пифию, ... и им выпадает прорицание (ἐκπίπτει χρησμός), говорящее, что следу-

² PW247–248, Q76.

ет в течение всего года совершать возлияния несправедливо умерщвленным этолийцам и провести празднество Возлияний» (Fr. 73)³. Рассказ об этом вопрошании, правда, в сокращенном виде трижды повторил автор словаря «Суда» (A972 s.v. Ἰάκος, X364 s.v. Χοάς, X504 s.v. Χρησμός), и при этом он ни разу не заменил выражение «выпадает прорицание» на какое-либо другое, а значит, оно воспринималось им как вполне уместное в этом контексте и, соответственно, как один из способов передачи ответа Пифии, имя которой стояло у Элиана рядом с этим выражением.

Паремиограф Зенобий (II в. н.э.) повествует о том, что, когда Мардоний, оставленный Ксерксом в Элладе, был побежден в битве при Платеях, он зарыл в своем шатре сокровища, а фиванец Поликрат купил потом это место и долго искал клад Мардония, но, так ничего и не обнаружив, «послав в Дельфы, спросил, каким образом он может найти это добро, а Аполлон, как говорят, ответил (τὸν δὲ Ἀπόλλωνα ἀλοκρίνασθαι): Сдвигай каждый камень!» (V 63)⁴. Поскольку это изречение стало пословицей, его объясняют многие грамматики и авторы толковых словарей, и в более кратком изложении вместо всего эпизода вопрошания оракула они пишут просто: «Фиванцу Поликрату выпало прорицание (χρησμός ἐξέπεσε)...» (Apostol. XIII 91; Phot. Lex. s.v. Πάντα λίθον κινεῖν и т. д.), то есть вновь «прорицание выпадает» без бросания жребия.

Патриарх Фотий сохранил для нас рассказ Мнасея из Патр (III–II вв. до н. э.) о том, что жители города Эгия в Ахее, победив в морской битве этолийцев и захватив у них пятидесятивесельное судно, десятую часть добычи посвятили в Дельфы и «вопросили, кто из эллинов сильнее, а Пифия возвестила (ἡ δὲ Πυθία ἔχρησεν) им следующее:

Всех, полагаю, земель пеласгический Аргос милее,
 Конница лучше в Фессалии, женщины в Лакедемонe,
 Ну а мужи — те, что пьют Аретусы красавицы воду.
 Но даже их превосходят мужи те, которые прямо
 Между Тиринфом живут и Аркадией стадообильной,
 Панцири носят льняные аргивяне, распрей стрекало.
 Вы же, эгийцы, не третьи, увы, не четвертые даже,
 И не в двенадцатых вы: и не в счет вы, и нет о вас речи»
 (Lex. Phot. Lex. s.v. Ὑμεῖς, ὃ Μεγαρεῖς...).

³ PW544, L148.

⁴ PW109, Q162.

Как видим, Мнасей процитировал изречение из восьми гекзаметрических стихов, в котором бог сначала перечислил, чем по праву гордятся разные области Эллады, а затем поставил на место зарвавшихся эгийцев (по другой версии — мегарцев), заметив, что он даже в расчет их не принимает⁵. Такое длинное и сложное по содержанию изречение никоим образом не могло быть получено при помощи жребиев, но при более беглой отсылке на какую-либо его часть — а отрывочно его цитировали многие авторы — вместо «Пифия возвестила» появляются другие выражения: у Страбона, например, χρησμός ἐκδοθείς Αἰγυῖσιν — «прорицание, выданное эгийцам» (X 1, 13), а у Евстафия περὶ ὧν χρησμός τοιοῦτος ἐξέλεσεν — «о которых выпало такое прорицание» (Dion. Per. 473). Получается, что прорицание могло «выпасть», но могло и «быть выданным», и эти выражения тоже рассматривались как равнозначные. Заметим, что и в словаре «Суда» причастие ἐκλεσών объясняется через причастия ῥηθείς — «сказанный» и δοθείς — «данный» (E566, s.v. ἐκλεσών).

Во всех приведенных примерах мы стремились показать синонимичность выражения «выпало прорицание» с другими устойчивыми выражениями, обозначающими процесс получения божественного ответа, и, следовательно, отсутствие у него специфического значения, превратившего бы его в термин клеромантики. В качестве еще одного подтверждения этой мысли можно привести высказывание Юлия Поллукса (II в. н. э.), перечисляющего в «Ономастиконе» все выражения, которыми передавалось возвещение или получение прорицания — среди них как синонимичное он дает и выражение «выпало прорицание»: ἦκεν ἐκ θεοῦ φήμη, ἦκε μάντευμα ἐκ θεοῦ, ἦκε λόγιον, ἐξέλεσε χρησμός, ἠνέχθη μάντευμα, ἀνεῖλεν ὁ θεός, ἀνεῖλεν ὁ θεός, ἀνεφθέξατο ἀμέτρως, ἐν ἐξαμέτρῳ τόνῳ, καὶ τὰ τοιαῦτα — «пришло откровение от бога, пришло пророчество от бога, пришло изречение, выпало прорицание, было принесено пророчество, провозгласил бог, возвестил бог, произнес прозой, гекзаметром и тому подобное» (I 19).

Один раз интересующее нас выражение встречается применительно к изречению оракула Зевса в Додоне. Согласно

⁵ PW1, Q26. Из восьми изречений Дельфийского оракула, в рассказе о которых используется выражение «выпало прорицание», мы не рассмотрели подробно следующие: PW224, Q53; PW275, Q225 и PW148, 372, L17.

патриарху Фотию, пеласги разорили беотийский город Панакт, а фиванцы его защищали, и последние, «послав в Додону, спросили о победе в войне. Выпало же фиванцам прорицание (χρησμός δὲ τοῖς Θηβαίοις ἐξέλεσεν), что они победят, если совершат величайшее кощунство. Тогда они решили, что величайшим кощунством будет убить [жрицу], возвестившую им прорицание (τὴν χρησμοφθήσασαν αὐτοῖς τὸν χρησμόν), и убили ее». Другие жрицы прорицалища потребовали покарать фиванцев, но на общем собрании женщин и мужей фиванцы мужскими голосами были оправданы и избежали наказания. Впоследствии, осознав «приказанное прорицанием» (τὸ ὑπὸ τοῦ χρησμοῦ προστασόμενον), они, как святотатцы, тайно похитили один из священных беотийских треножников и отослали его в Додону (Bibl. 321b–322a). Древний автор, отрывок из произведения которого привел патриарх Фотий, не мог, прибегнув к выражению «выпало прорицание», подразумевать бросание жребиев при возвещении ответа, поскольку он тут же с уверенностью пишет о том, что жрица «пропела прорицание», а глагол χρησμοφδέω функционировал только как термин интуитивной мантики, то есть указывал на прямую инспирацию пророка божеством (Prikhodko 1999: 283).

Интересно также одно высказывание Лукиана: «А все остальные прорицалища — в Дидимах, и в Кларосе, и в Дельфах — действительно ли имеют пророчествующим [твоего] отца Аполлона, или ложны выпадающие там ныне прорицания (οἱ νῦν ἐκπίπτοντες ἐκεῖ χρησμοί)?» (Alex. 43). Только универсальный характер выражения «выпало прорицание» мог позволить Лукиану применить его сразу ко всем изречениям трех разных оракулов Аполлона⁶.

В девяти случаях источник «выпавшего прорицания» в произведении не указан — это мог быть как оракул, так и самостоятельный пророк, — но само содержание изречения таково, что едва ли могло быть получено при помощи жребия. Так, согласно историку Акусилаю, чей рассказ сохранился в схолиях к Гомеру, «выпало прорицание» (χρησμοῦ ἐκλεσόντος — кому, при каких обстоятельствах — не сказано), что, когда закончится власть Приамидов, царствовать над троянцами будут потомки Анхиза (II. XX 307). Элий Аристид упоминает в третьей из «Священных речей», что Зосиму «выпало прорицание» (χρησμόν ... ἐκλεπτοκέναι), что он будет жить до тех пор, пока

⁶ Сравни также Ps.-Plut. Fluv. 23, 3.

будет жить корова на поле (317 Jebb). В схолиях к Феокриту сказано, что Оресту, увозящему из Скифии от тавров изваяние Артемиды, «выпало прорицание» (χρησιμὸς ἐξέλεσεν) омыться в семи реках, текущих из одного источника, и он, отправившись в Регий в Италию, очистился от вины в текущих там реках (Proleg. B a). Диодор Сицилийский пишет, что Ээту, царю Колхиды, «выпало прорицание» (χρησιμὸν ἐκλεσεῖν), что он тогда окончит жизнь, когда приплывут чужеземцы и увезут золотое руно (IV 47, 2). Также у Диодора есть рассказ о том, что, когда разгневанный на царя Лаомедонта из-за воздвижения троянских стен Посейдон наслал на страну морское чудище, «царь отправил к Аполлону посольство спросить о случившемся несчастье, и выпало прорицание (ἐκλεσόντος ... χρησιμῶ)», что причиной тому гнев Посейдона, и лишь тогда он закончится, когда троянцы добровольно отдадут чудищу ребенка, на которого укажет жребий (IV 42, 3)⁷. Есть также два контекста, где опущен не только источник изречения, но и само изречение, так что никакой существенной информации они нам предоставить не могут (Phot. Lex. s.v. Σέρειφον и Suda E 3770 s.v. Εὐτόκιος = Eun. Hist. Vol. I, p. 274).

Однако выражение «выпало прорицание» использовалось не только для получения оракулов в прорицалищах и у независимых прорицателей. Весьма знаменательным оказывается его появление при повествовании о пророчествах хресмологов (3 контекста). Хресмологами в античном мире называли пророков, предсказывавших события далекого будущего без уточнения времени исполнения и делавших это по божественному вдохновению без каких-либо поводов и вопросов современников. Имена этих пророков были хорошо известны — Мусей, Сивиллы, Бакид, Лисистрат. Аристотель называл их «свидетелями о будущем» и обращал внимание на то, что «хресмологи не ограничивают, когда [сбудутся их пророчества]» (Rhet. 1375 b и 1407 b). Плутарх характеризовал их так: «Эти Сивиллы и Бакиды, словно в море, отказавшись от точных свидетельств, выбросили время и рассеяли, как пришлось, имена и глаголы разнообразных случаев и событий» (Mor. 399 a (Pyth. Or. 10)). Платон был уверен, что хресмологи «становятся такими не от природы и не мастерством, но по вдохновению богов» (Virt. 379 c), и об этом же писал Павсаний: «Эти жены и мужи ...

⁷ К приведенным примерам надо добавить Phot. Bibl. 110a; Schol. Pind. Ol. X 17i; Eun. VS VII 6, 3, а также контекст из Лукиана Alex. 24.

пророчествовали от бога» (X 12, 11) (Prikhodko 1999: 268–281). Хресмологи вещали только под воздействием прямой инспирации божества и никогда не привлекали никаких дополнительных средств для получения откровений, а значит, жребиев в практике хресмологов просто не было, и использование применительно к пророчеству хресмолога выражения «выпало прорицание» могло быть допустимым лишь в том случае, если значение этого выражения не указывало на прорицание посредством жребиев.

Геродот считает достойным внимания тот факт, что после Саламинской битвы, когда подхваченные западным ветром обломки кораблей были принесены к мысу Колиада, стало понятным пророчество, изреченное многими годами ранее хресмологом Лисистратом Афинским, смысл которого до этого был скрыт от всех эллинов:

«А колиадские жены поджаривать будут на веслах» (VIII 96).

Евстафий тоже цитирует это пророчество, но вводит его с помощью интересующего нас выражения: «Афродита Колиадская от места в Аттике, куда во время персидских войн выбросило обломки кораблей, о которых выпало вот такое прорицание (περὶ ὧν χρησμὸς τοιοῦτος ἐξέλεσε)» (Dion. Per. 591).

Во «Всадниках» Аристофана Народ просит Клеона и Колбасника прочитать ему из изречений Бакида то пророчество, которое его особенно радует, где сказано, что он воспарит в небеса орлом (1011–1013), и схолиасты приводят все три стиха прорицания, объясняя: «Пророчество, данное афинянам, такое» (ὁ δοθεὶς χρησμὸς τοῖς Ἀθηναίοις οὗτος) или «Случилось пророчество афинянам» (ἐγένετο χρησμὸς τοῖς Ἀθηναίοις). Но дальше по ходу комментирования комедии им опять приходится вспомнить об этом изречении: «Ведь выпало прорицание афинянам» (χρησμὸς γὰρ ἐξέλεσε τοῖς Ἀθηναίοις, 1086a). И вновь мы видим синонимичность выражений «выпало прорицание», «данное прорицание» и «случилось прорицание». Фрагмент стиха об «орле в облаках» Аристофан вкладывает также и в пророчество мнимого Хресмолога в «Птицах» (978), и схолии разъясняют: «...было дано афинянам прорицание» (χρησμὸς ἦν τοῖς Ἀθηναίοις δεδομένος), — и еще добавляют, что это одно из изречений Бакида⁸.

⁸ Как ни странно, но это пророчество Бакида попало в каталоги дельфийских изречений: PW121, Q180

Страбон, давая детальнейшее описание течения киликийской реки Пирама⁹, сообщает, что она, миновав горы Тавра, впадает в море, неся с собой такое огромное количество ила, что «о ней передается и такое выпавшее прорицание (χρησμός ἐκπέπτωκὸς φέρεται τοιοῦτος):

Будет в грядущее время — Пирам тот серебрянотруйный,
Берег вперед досыпая, достигнет священного Кипра» (XII 2, 4).

Кому принадлежало это пророчество, Страбон не упоминает, но оно сохранилось (с единственным разночтением: вместо «священного Кипра» сказано «священного острова») в «Книгах Сивилл» (IV 97–98), и, следовательно, перед нами пророчество Сивиллы, то есть вновь пророчество хресмолога. Цитируя эти стихи, Евстафий тоже использует рассматриваемое нами выражение: «Поэтому и прорицание выпало (χρησμός ἐξέλεσεν) с преувеличением такое» (Dion. Per. 867). Когда же Страбону в другом месте его повествования потребовалось еще раз сослаться на это пророчество, он воспользовался другим формульным выражением, явно возникшем на базе нашего: «... по поводу которой и изречение выпало (λόγιον ἐκπέπτωκε) такое» (I 3, 7).

Выражение λόγιον ἐκπίπτει/ἐξέλεσε/ἐκπέπτωκε не было весьма употребительным и встречается применительно только к девяти прорицаниям. Универсальный термин χρησμός, обозначающий любой вид пророческой речи, заменен в нем на λόγιον. В языке классического периода λόγιον служило в основном для обозначения пророчеств хресмологов, но в дальнейшем стало все чаще употребляться для любого прорицания или даже просто изречения, но с прорицанием по жребиям его никогда ничего не связывало (Prikhodko 1999: 295–302). Если посмотреть на контексты, содержащие выражение «выпало изречение», то мы увидим, что оно функционировало практически так же, как и выражение «выпало прорицание».

Так, Клавдий Элиан рассказывает, что, когда некие критяне, посланные для основания колонии, «попросили Пифийца явить им место хорошее и удобное для заселения», им «выпадает изречение» (ἐκπίπτει δὴ λόγιον), что, где с ними будут воевать рожденные землей, там и следует остаться и воздвигнуть город (NA XII 5)¹⁰. Согласно Страбону, Дафиту «выпало изречение

⁹ Современная река Джейхан (Çeyhan Nehri).

¹⁰ PW453, L116.

(λόγιον δ' ἐκλεσεῖν) остерегаться Форакса» (XIV 1, 39)¹¹, а фокейцам, покидающим родину, «выпало изречение (λόγιον ἐκλεσεῖν) воспользоваться в плавании проводником, взятым у Артемиды Эфесской» (IV 1, 4). Плутарх, Зенобий и автор словаря «Суда» слово в слово повторяют следующую историю: «Ведь выпало фригийцам изречение (λόγιον γὰρ τοῖς Φρυξῖν ἐκλεπτόκει) о повозке, доставившей Мидаса, что если кто-либо развяжет упряжь, то он будет править Азией» (Prov. Fr. 49; IV 46; K31 s.v. Κάθαμμα λύεις). В схолиях к Пиндару сообщается, что «фиванцам, воюющим с афинянами, выпало изречение (ἐκλεσεῖν λόγιον) выбрать в союзники родственников» (Nem. IV 30), а в Etymologicum Magnum — что о городе Патрах «выпало изречение Сивиллы в триметре» (λόγιον ἐκ Σιβύλλης ἐξέλεσε τρίμετρον, p. 147 Kallierges)¹².

Следует отметить, что другие мантические термины, служившие для обозначения прорицаний, но при этом более узкие по своему значению, в выражении «выпало прорицание» не употреблялись. Единственным исключением является рассказ Клавдия Элиана, где слово χρησμός заменено на слово χρηστήριον: «Говорят, Филиппу в Беотии в святилище Трофония выпал оракул (χρηστήριον ἐκλεσεῖν), что следует остерегаться колесницы» (VN III 45). Напомним, что подробное описание процедуры вопрошания Трофония принадлежит Павсанию (IX 39, 5–14), и никакие жребии в мантическом ритуале этого прорицалища не использовались.

Серьезным доказательством отсутствия у выражения «выпало прорицание» связи с клеромантикой является его употребление у Филона Александрийского в работе «О последующем и изгнании Каина» по отношению к словам Бога, обращенным к Моисею в книге Исход (33, 23): «... но выпало ему прорицание (χρησμός ἐξέλεσεν αὐτῷ), что «ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо [тебе]» (169). И он же в работе «О земледелии» говорит о словах Бога Каину «выпало изречение» (λόγιον ἐξέλεσε, 127–128).

Обычно в выражении «выпало прорицание» при слове χρησμός не ставились никакие определения. Однако в схолиях к «Царю Эдипу» Софокла у слова χρησμός появляется эпитет,

¹¹ Это прорицание тоже включено в каталоги дельфийских изречений: PW360, Q240.

¹² К приведенным примерам следует добавить Schol. Eur. Rhes. 1408 и Philo Jud. De spec. leg. II 251.

которым не могло характеризоваться прорицание, полученное с помощью жребия: «Поскольку часто выпадают двусмысленные прорицания (ἐκπίπτουσι λοξοὶ χρησμοί), он сказал открыто, чтобы не возникло повода пренебречь прорицаниями» (95). Эпитетом λοξός награждалось всегда непонятное из-за обилия метафор или двусмысленное из-за омонимии слов высказывание. Такими могли быть образные поэтические изречения Пифии, но прорицания, полученные с помощью жребиев, всегда отличались строгой конкретностью, то есть выпасть — в прямом значении этого слова — двусмысленное прорицание просто не могло.

Давайте посмотрим на обсуждаемую проблему и с совершенно иной точки зрения. Любое прорицание — это речевое высказывание, а глагол ἐκπίπτω мог обозначать в античных текстах не только действие «прорицания», но и действие других «высказываний», при возникновении которых никакая ситуация бросания жребиев не предусматривалась. Так, Полибий пишет о постановлении сената: «Когда это решение было объявлено (ταύτης δὲ τῆς ἀλοκρίσεως ἐκλεσοῦσης)...» (XXX 32, 10). Согласно Плутарху, «когда Красс выступал с речью перед народом, у него вырвались слова (ἐξέλεσε φωνή), приведшие войско в страшное замешательство» (Crass. 19, 6); после битвы римлян с этрусками «роща сотряслась, и из нее раздался громкий голос (ἐκ δ' αὐτοῦ φωνὴν ἐκλεσεῖν μεγάλην), возвещающий, что этрусков погибло в битве на одного больше, чем римлян» (Publ. 9, 6), а Клеомен нанес такое сокрушительное поражение ахейскому войску, что «среди эллинов распространилась молва (φήμην ἐκλεσεῖν) о гибели Арата» (Agis, Cleom. 26).

Возникает также вопрос: известны ли нам вообще поэтические прорицания, полученные с помощью жребиев — ведь и прорицание Патарского оракула Сидимам, и многие из приведенных выше дельфийских изречений были сложены в гекзаметрах? И если да, то похожи ли они на поэтические изречения оракулов? Для ответа на эти вопросы нам следует обратиться к астрагальной мантике. Астрагалы — кости из лодыжки животных с раздвоенными копытами: коз, овец и телят, — активно использовались в античном мире как для игр, так и для прорицания. В отличие от кубика, который мог упасть вверх любой из шести сторон, астрагал, имевший форму неправильного параллелепипеда, не мог при броске остановиться на одной из двух полуокруглых торцевых сторон и поэтому выставлял вверх только одну из четырех продольных сторон, которые

соответствовали цифрам 1, 3, 4 и 6 и имели каждая свое название. В зависимости от того, сколько астрагалов участвовало в броске, получалось разное количество возможных результатов. Единственное свидетельство об оракуле по астрагалам в материковой Греции — это святилище находилось возле ахейского города Бұры — принадлежит Павсанию: «По дороге из Буры к морю есть река под названием Бураик и в пещере небольшая статуя Геракла; зовут его тоже Бураик, а откровения можно получить при помощи доски и астрагалов. Ведь вопрошающий бога молится перед статуей, а после молитвы, взяв астрагалы — они в большом количестве лежат возле Геракла, — бросает четыре на стол, и для каждой комбинации астрагалов написанное на доске предоставляет надлежащее толкование такого броска» (VII 25, 10). В святилище Геракла посетители вопрошали бога, бросая одновременно четыре астрагала, и, значит, на доске было написано тридцать пять прорицаний, поскольку именно такое количество комбинаций получается при броске четырех астрагалов. Но ни одно из выставленных там прорицаний Павсаний в своем труде не процитировал.

Оракул по пяти астрагалам был распространен во II–III вв. н. э. в пограничных областях Малой Азии: Писидии, Памфилии, Фригии и Ликии. О нем не сообщает ни один из античных авторов, но зато в Ададах, Кремне, Китанаврах, Сагалассе и других близлежащих городах сохранились огромные прямоугольные колонны (или их фрагменты), все стороны которых покрывали длинные надписи, содержавшие текст оракула по пяти астрагалам. Бросок пяти астрагалов давал пятьдесят шесть комбинаций, поэтому текст таких надписей состоял из пятидесяти шести строф, а каждая строфа — из пяти строк: первая строка указывала значения выпавших астрагалов, их сумму и имя божества, которому этот бросок был посвящен, вторая строка описывала бросок словами в гекзаметре, а следующие три строки представляли собой также написанное гекзаметром прорицание, которое давал бог тому, кто получил при броске именно эту комбинацию астрагалов¹³. Покровителем астрагальной мантики почитался Гермес, которым, как верили, руко-

---

¹³ Тексты всех сохранившихся оракулов по пяти астрагалам собраны вместе в издании Й. Нолле: Nollé 2007. См. также издание оракула по пяти астрагалам из города Адад с переводом и комментариями в работе: Prikhodko 2016.

водил сам Аполлон. Так, например, выглядит вторая строфа оракула по пяти астрагалам из города Адад:

11113   7   Афины Ареи
 Вместе явились четыре хиосца, а пятою тройка:
 Зла и вражды избежав, ты однажды достигнешь награды.
 Всем, как дойдешь, одарит совоокая дева Афина,
 Так что по сердцу тебе будет дело, к какому стремишься.

Колонны с текстом оракула по пяти астрагалам, увенчанные нередко статуей Гермеса, стояли, как правило, на рыночной площади, чтобы любой человек, прежде чем совершить сделку или отправиться по торговым делам далеко от родного города, мог посоветоваться с богом, правильно ли он собирается поступить. Поэтому каждое изречение оракула по пяти астрагалам давало смертному совет либо уверенно приниматься за задуманное дело и ничего не бояться, либо, наоборот, воздержаться от любых действий и выждать более подходящего момента, то есть было своего рода руководством к действию. Формулировка каждого изречения носила самый общий характер, в результате чего содержащийся в нем совет можно было с легкостью применить к жизненным обстоятельствам и коммерческим планам самых разных людей. Следуя общей тенденции жанра, эти прорицания тоже не были лишены поэтической образности, но и она не имела привязки ни к какой конкретной ситуации. В сороковом прорицании, например, даже обыгрывалось изречение фиванцу Поликрату, о котором мы рассказывали выше:

66611   20   Гефеста
 Три коль шестерки и пара хиосцев — внимай и запомни:
 В доме останься своим и не ездь в чужие пределы.
 Камни один за другим не сдвигай — берегись скорпиона.
 Это — злосчастное дело, и пагубно всё. Опасайся!

Прорицание Сидимам и все остальные рассмотренные нами изречения, напротив, отличались ярко выраженным индивидуальным характером. В них бог обращался к определенному городу или конкретному человеку: «Родственный город», «Вы, о эгийцы/мегарцы», «О горбатый Мискелл», — и это обращение, вплетенное в ткань поэтического текста, не позволило бы позже адресовать это же прорицание кому-то другому. Содержание этих прорицаний строится не на разборе какого-то варианта типичных обстоятельств, а базируется на единичном событии, жестко очерченном по времени и месту, вникает во все его нюансы, но при этом не обобщает его, а,

наоборот, акцентирует его неповторимость. Кроме того, каждое изречение оракула по пяти астрагалам состояло всего из трех стихов, в то время как даже не полностью сохранившееся прорицание Сидимам насчитывает четырнадцать стихов, прорицание эгийцам — восемь стихов, и в дельфийской практике в целом известно много длинных изречений.

Выражение «выпало прорицание» и даже просто глагол ἐκλίπτω в тексте оракула по пяти астрагалам не встречаются ни разу, хотя, казалось бы, где может быть более подходящее для них место, как не в стихе, описывающем бросок астрагалов и вводящем следующее за ним прорицание, тем более, если допускать, что глагол ἐκλίπτω уже столетия функционировал как термин прорицания по жребиям. Однако падение астрагалов обозначается в этих надписях через глагол πίπτω без приставки: например, εἰ δέ κε πείπῳσιν δύο τέσσαρα, τρεῖς δ' ἅμα χεῖοι — «если же выпадают две четверки и вместе три хиосца¹⁴» (8, 2), — а действие самого этого броска, то есть возвешение с его помощью прорицания бога, как и действие бога, передается через глаголы φράζω, αὐδάω и λέγω: χεῖοι δὲ πέντε πείπτοντες ὁμοῦ, τότε φράζει — «пять хиосцев, падающие вместе — возвешает следующее» (1, 2, ср. 43, 2; 45, 2; 46, 2; 52, 2; 54, 2), εἷς χεῖος καὶ τρία τρεῖς καὶ τέσσαρες εἷς, θεὸς αὐδᾶ — «один хиосец и три тройки и одна четверка — бог возвешает» (15, 2), τέσσαρα τρεῖς, δύο δ' ἐξεῖται, τότε σοι θεὸς αὐδᾶ — «три четверки, шестерок же две — бог возвешает тебе следующее» (50, 2, ср. 18, 2), ἐξεῖται τρισσοί, τρεῖοι δύο, ταῦτα λέγουσιν «три шестерки, две тройки — говорят следующее» (49, 2). И даже само «прорицание» — χρησμὸς не «выпадает», а всего лишь «возвешает»: τρεῖς δ' ὅταν ἐξεῖται, δύο τέσσαρα, χρησμὸς ὅδ' αὐδᾶ — «когда три шестерки, две четверки — это прорицание возвешает» (53, 2, ср. 43, 3).

Таким образом, весь рассмотренный материал приводит к заключению о том, что выражение ὁ χρησμὸς ἐκπίπτει не указывало на получение прорицания при помощи жребиев, и, следовательно, появление этого выражения в надписи из Сидим не может считаться свидетельством использования жребиев в мантическом ритуале прорицалища Аполлона в Патарах.

¹⁴ «Хиосцем» назывался бросок, при котором выпадала единица.

Литература

- Benndorf O., Niemann G. 1884: *Reisen in Lykien und Karien*. Wien. (= Reisen im südwestlichen Kleinasien. Bd. I).
- Chaniotis A. 1988: *Historie und Historiker in den griechischen Inschriften. Epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie*. Stuttgart. (= Heidelberger Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien. Bd. 4).
- Fontenrose J. 1978: *The Delphic Oracle: Its Responses and Operations with a Catalogue of Responses*. Berkeley; Los Angeles; London.
- Merkelbach R. 2000: Der Glanz der Städte Lykiens. Die Festrede des Literaten Hieron (T.A.M. II 174). *Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens* 32. S. 115–125.
- Merkelbach R., Stauber J. 2002: *Steinepigramme aus dem Griechischen Osten. Bd. 4. Die Südküste Kleinasiens, Syrien und Palaestina*. München; Leipzig.
- Nollé J. 2007: *Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance*. München.
- Parke H. W. 1985: *The Oracles of Apollo in Asia Minor*. London; Sydney; Dover, New Hampshire.
- Parke H. W., Wormell D. E. W. 1956: *The Delphic Oracle*. Vol. I–II. Oxford.
- Prihodko E. V. 1999: *Dvoynoye sokrovishche. Iskusstvo proritsaniya Drevney Gretsii: mantika v terminakh* [Twofold treasure. The art of divination of Ancient Greece: mantic in terms]. Moscow.
Приходько Е. В. 1999: *Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах*. М.
- Prihodko E. V. 2016: [The dice oracle from the city of Adada in Pisidia]. In: *Trudy kafedry drevnich yazykov* [Opuscula Cathedrae Linguarum Antiquarum] IV. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU 83. Seriya III. Instrumenta studiorum 27 [Proceedings of the Faculty of History, MSU 83. Series III. Instrumenta studiorum 27]). Moscow, 72–166.
Приходько Е. В. 2016: Оракул по пяти астрагалам из города Адады в Писидии. В сб.: *Труды кафедры древних языков IV*. (Труды исторического факультета МГУ 83. Серия III. Instrumenta studiorum 27). М., 72–166.
- TAM — *Tituli Asiae Minoris*. Vindobonae.